

Т. И. Заславская

О советской сельской социологии

Татьяна Ивановна Заславская (урождённая Карпова; 9 апреля 1927–23 августа 2013) — советский и российский социолог и экономист. Стояла у истоков создания МВШСЭН/Интерцентр, организации и проведения симпозиумов Шанинки: «Куда идёт Россия?» / «Пути России», главный редактор ежегодника этого симпозиума, преемником которого является журнал «Пути России»

Аннотация: это интервью с Татьяной Ивановной Заславской проводилось в январе 2000 года с целью его публикации в издававшемся в МВШСЭН ежегоднике «Крестьяноведение». Но именно в этом году издание ежегодника прервалось на несколько лет, а интервью затерялось в архивах «Крестьяноведения» ещё на целых четверть века. В данном интервью Т. И. Заславская рассказывает о прерывистых этапах становления и развития советской сельской социологии, о своих собственных сельских социологических исследованиях в связи с исследовательской деятельностью ряда российских и зарубежных сельских социологов.

Особое внимание в интервью уделяется обсуждению этапов научно-исследовательской деятельности Новосибирской социологической школы. Заславская размышляет о проблемах взаимодействия учёного с властью, рассматривает парадоксы поисков прогнозных альтернатив социалистического сельского развития, связанных с экспериментами реформирования советского сельского хозяйства.

Беседу провёл **Александр Михайлович Никулин** — на момент проведения интервью сотрудник Интерцентра/МВШСЭН, на настоящий момент кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, главный редактор журнала «Крестьяноведение».

Ключевые слова: сельская социология, село, город, миграция, хозяйственный механизм, экономическая социология

Для цитирования: Заславская, Т. И. О советской сельской социологии / Интервьюер А. М. Никулин // Пути России. 2025. Том 3. № 3. С. 138–159.

Татьяна Ивановна, расскажите, пожалуйста, о развитии советской сельской социологии и Вашем участии в ней.

В советское время характеристику чего угодно было принято начинать с Ленина. Если придерживаться такого подхода, то для начала надо отметить: Ленин придавал большое значение конкретным социальным исследованиям. Это было, думаю, очевидно связано с его высоким уважением к земской статистике. Ведь у Ленина был опыт собственной большой работы с земскими данными, расчётами. Поэтому в первые же годы советской власти, как закончилась Гражданская война, он стал давать массу указаний о необходимости развёртывания конкретных социальных исследований, в первую очередь — деревни. Это, конечно, было связано и с тем, что власть — городская, пролетарская, а деревня — океан мелких крестьянских хозяйств непонятной социальной психологии и так далее. В общем, была развёрнута соответствующая идеологическая кампания с постоянной установкой партийным органам — поддерживать такие исследования. И в 1920-е годы эти исследования проводились довольно активно. Вместе с тем, очевидно, они уже оказались оторванными от магистральной науки, от социологии, её теории, развивавшейся на Западе. Вот это начало всяких советских конкретных социальных исследований часто имело довольно наивный характер, первичный. Ну, эти исследования преследовали цель узнать, что реально происходит в деревне, как к советской политике относятся крестьяне. Но поскольку любая активно ведущаяся работа — она саморазвивается, то к концу 1920-х годов появились очень продвинутые экономико-статистические исследования. И в Сибири такие исследования проводились довольно широко. Анна Наумовна Соскина у нас защищала диссертацию как раз по сельской социологии 1920-х годов в Сибири. Ей удалось найти в архивах сами анкеты тех времён, их дополнительно разработать, сравнить уже с нашими исследованиями. В целом, с учетом довольно большого прошедшего периода времени — 50 лет примерно — всё это вызывало уважение. Но коллективизация, конечно, «вонзила нож» и в сельскую социологию.

Я начинала свою работу в Институте экономики Академии наук СССР на Волхонке, 14. На этой же самой Волхонке 14 с конца 1920-х, находился Институт аграрных проблем, а я начала работать в аграрном отделе Института экономики. И многие люди, основное ядро сотрудников, с которыми я познакомилась, они перекочевали в этот Институт экономики после закрытия Института аграрной экономики.

В каком году Вы начали работать в Институте экономики?

1950 год, сталинское время, откровенных разговоров быть не могло, — но мой непосредственный руководитель, а им был Григорий

Григорьевич Котов¹, в экспедициях, когда мы были часто вдвоём, ехали на каких-нибудь телегах, мог заводить откровенные разговоры, хотя и он очень скуп, но всё-таки рассказывал о том, как была свёрнута эта сельская социология. Григорий Григорьевич Котов, Ксения Васильевна Лосева, хотя они никогда слово «социология» не употребляли, они рассказывали мне о тех конкретных социальных исследованиях, которые они проводили и в меру возможности продолжали эту линию. В частности, говорили о том, что, когда началась коллективизация, люди, которые на протяжении 1920-х годов привыкли отслеживать реальные процессы, происходившие в деревне, учитывать общественное мнение, а эти исследователи все были большевики, верующие в коммунизм, так вот даже они считали, что происходит что-то страшное, огромное заблуждение, что руководство партии не знает, что реально творится в деревне. Поэтому, во-первых, привозили соответствующие исследовательские материалы, во-вторых, писались докладные записки и были выступления на соответствующих партийных конференциях, целью которых было стремление открыть глаза заблуждающемуся руководству. Это всё, понятно, вошло, как тогда говорили, в противоречие с генеральной линией партии. И, как они мне рассказывали, в один прекрасный день, когда они пришли на работу, — это начало 1930-х годов, точнее не могу сказать — а на дверях их Института висело объявление о том, что Институт временно закрыт, то ли на техническое переоборудование, то ли ещё на что, и сотрудников просят поработать дома ближайšie несколько дней. И когда они через эти несколько дней пришли на работу, то двери их Института были открыты, но все их столы и шкафы оказались пустыми. И никаких материалов исследований — ни первичных, ни написанных диссертаций, никаких статей, — ничего не было!

Конечно, Михаила Кубанина расстреляли значительно позже², Институт не был ещё в то время закрыт совсем, но такая превентивная мера была проведена. Кажется примерно к этому времени появилась формулировка в советских словарях, что «социология является буржуазной лженаукой». И надолго, на многие времена, закрылось всё это социологическое исследование села.

А когда именно Вы узнали, поняли, что такое сельская социология?

Интересно то, что меня с самого начала, ещё с подросткового возраста, интересовала наука, которая изучала бы жизнь людей, поведение людей современности. Я тогда спрашивала свою высокообразо-

¹ Григорий Григорьевич Котов (24.11.1901–27.05.1980) — аграрник-экономист.

² Михаил Ильич Кубанин (1898–1941) — один из ведущих советских аграрников-экономистов 1920–1930-х годов.

ванную мать, есть ли такая наука, а она отвечала, что это этнография. А вот социология... — я это слово узнала уже в 1960-х годах, когда переехала в Новосибирск. А в Москве даже такого слова не слышала. Несмотря на то, что те методы, которые применял Григорий Григорьевич Котов в нашей совместной работе в 1950-е годы, они были в значительной степени социологические. Огромный статистический материал собирался, в том числе обязательно первичный, непосредственно из учётных данных хозяйств, но и кроме того, обязательно было хождение по домам, когда учитывались история, мнения, описания, механизмы сельской жизни — как это люди сами всё видят. Всё это было учтено. Но кроме Котова я не знаю таких, во всём нашем аграрном отделе, кто такие методы применял, а все остальные сидели на официальной статистике, а какая это была статистика — и ему понятно.

Как же и когда стало происходить возрождение сельской социологии?

Это надо говорить о начале 1960-х годов. Тут насколько я знаю, первой была работа Шубкина. Предпринял он её уже после переезда в Новосибирск, а переехал он туда в 1962 году. И с небольшим коллективом они поехали в село Копанка и провели исследование, которое указало на огромные позитивные изменения, которые произошли за 25 лет [Копанка ..., 1965]. Но после этого Шубкин как переключился на профессиональную ориентацию молодёжи, так уже всю жизнь ею и занимался.

Конечно, большое значение в советской сельской социологии, может быть, даже следует говорить «определяющее», имела Новосибирская социологическая школа. Но, когда я в Новосибирск приехала в 1963 году, в Институт экономики и организации промышленного производства, для меня вообще был вопрос — как я могу туда ехать, если я в предстоящей работе ещё совсем не разбираюсь? Да, Аганбегян пригласил меня как личность. Он слышал хорошие отзывы обо мне, ему нужны были перспективные люди. А директор Института Пруденский взял меня на работу по той причине, что в это время обком партии был крайне обеспокоен повышенной миграцией сельского населения в города. Чисто практически обеспокоен. Потому что чаши производства и потребления были уравновешены до конца 1950-х годов, но когда уже меньше и меньше людей оставалось в деревне, больше и больше потребителей становилось в городе, начались большие трудности со снабжением. И партийные руководители задавались наивным вопросом: а почему началось движение из сёл в города? Конечно, это было непосредственно связано с паспортизацией сельского населения. «Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше». Если бы можно было колхозникам получать паспорта раньше, то и миграция началась бы гораздо раньше. Но, поскольку они, практически, были закрепощены до начала 1960-х годов, то с расширяющейся сельской паспортизацией

начался массовый отток населения. И на эту тему исследования меня взяли как экономиста. Никаких мыслей про социологию на тот момент у меня не было.

У нас работал Виктор Иванович Переведенцев, известный человек. Он изучал миграцию. Он попал в мою группу. Меня взяли как руководителя, понимающего в этих делах организации исследования, а Переведенцева — как специалиста по миграции. Тема у нас была — «Обеспеченность трудовыми ресурсами села». И была записана она за Переведенцевым. Я на себя её не брала. Но Переведенцев быстро отошёл от дел, уехал в Москву, тут оказалось, что человека, который бы изучал миграцию, нет. Мне пришлось взяться за изучение миграции, и в 1966 году мы организовали первую пробную экспедицию в районы Новосибирской области.

Поехали в эту экспедицию, сделали анкету. Это был небольшой опрос, примерно 500 человек мы опросили.

А дальше наступило, можно сказать, эпохальное событие — мы вошли в связь с ЦСУ РСФСР. Не помню, как познакомились тогда с Владимиром Давыдовичем Миркиным, который был совершенно потрясающий человек, на поколение старше меня. Мне было тогда 36, а ему около 70, и он был заместителем начальника отдела переписи ЦСУ РСФСР. Он ещё участвовал в организации переписи 1937, 1939 годов. Он статистик до мозга костей, такой старой школы — необыкновенно тщательный профессионал. И мы договорились о проведении совместного исследования миграции сельского населения в городах на примере Новосибирской области нашего отдела и ЦСУ РСФСР. Подготовка к такому исследованию шла целый год. Владимир Давыдович предъявлял высокие, с нашей точки зрения очень высокие, требования ко всему: к инструментарию, особенно к выборке, к организации проведения исследования. Это была привычная фраза, которую мне говорили, когда я приходила на работу: «Татьяна Ивановна, Миркин возмущён!»

В чём же была уникальная особенность этого исследования? Оно было уникальным и остается уникальным до сих пор. Во-первых, выборка: было опрошено 5 тысяч семей из 212 поселений. Было восемь отрядов, районов было больше. Каждый брал по несколько отрядов. А инструментарий был организован по принципу матрёшки. Было заполнено 212 характеристик населённых пунктов, которые достаточно подробно описывали каждое поселение. Наряду с ними были заполнены паспорта, характеристики, достаточно многостраничные, на каждый колхоз или совхоз. Причём, брались все поселения колхозов и совхозов. Выборка была гнездовая, чтобы можно было также судить и о хозяйстве. Естественно, наши характеристики включали социальные признаки. Затем — опрашивалась каждая пятая семья, не было дифференциации больше-меньше, просто брали каждую пятую семью в любом поселении. И в этой семье ещё отдельно по специальным анкетам — все взрослые. Было опрошено 10300 человек. В анкете

семьи была специальная врезка, посвященная уехавшим мигрантам. Членам семьи, которые мигрировали — зачем, почему. Мы их называли «реальными мигрантами». И массив на них составлял около 500 человек. Затем выявлялись потенциальные мигранты из общего числа взрослых. 8 отрядов, примерно 50 человек — членов экспедиций. И на протяжении чуть больше месяца была собрана эта информация. Особенность нашей работы в Новосибирске всегда заключалась в том, что опрашивались сотрудники. Один раз мы имели опыт привлечения сельской интеллигенции, получили такой материал, что пришлось забраковать. Мы ещё привлекали сотрудников из других отделов, привлекали перспективных студентов. Собрали мы этот гигантский материал. Нужно было его обрабатывать.

Методика опубликована — целая книжечка отдельная, она среди моих трудов имеется. Называется «Методика выборочного исследования миграции сельского населения» [Методика выборочного исследования..., 1969]. И началась обработка. А в те времена обработка велась средствами машиносчётных станций. Это перфокарты. И материал обрабатывался два года. Несмотря на то, что в институте была своя машиносчётная станция, но она и другим отделам считала. Конечно, первые массивы пошли раньше — те же самые реальные мигранты, характеристики населённых пунктов. По материалам этого исследования в 1969 году была выпущена книжка «Миграция сельского населения: цели и задачи», как-то так. А в 1970 году вышла книга «Миграция сельского населения» [Миграция сельского населения, 1970]. И, видимо, в процессе этой работы постепенно происходило преобразование нашего сознания и приходило осознание того, что работа носит более социологический характер, нежели экономический. Конечно, очень большое значение, если не сказать — колоссальное, имели международные контакты. Они были очень интенсивными. С сельскими социологами Польши, Чехословакии организовывались различные конференции.

Что ещё можно сказать? Мы работали в Сибирском отделении, где были сильные математики, мощный институт математики. Во-вторых, в нашем институте у Аганбегяна было экономико-математическое направление развито. Наука без математики считалась в каком-то смысле и не наукой. А у нас к тому же ещё — огромные массивы данных. И плюс — международные контакты, где у коллег тоже было увлечение этими методами. Итак, мы довольно широко применяли математические методы. Для начала это был факторный анализ, всякие повороты осей, регрессионный анализ. В конечном счёте от этого увлечения осталось некоторое не то, что разочарование, но безусловное понимание того, что всё это чисто аналитический инструмент, что он не может быть инструментом прогнозирования, он носит аналитический характер. Но на аналитическом пути он какую-то помощь оказывает.

Мне кажется, что применение количественных методов позволяло нам получать более надёжные и качественные результаты. Потому что выводы должны носить качественный характер. Наиболее сильный фактор — вот то-то и то-то.

Нашим самостоятельным вкладом была работа с методами распознавания образов. Они в это время ещё не применялись в социологии, насколько мне известно, а в Институте математики Загоруйко эти методы разрабатывал. Он сам вышел на меня и рассказал подробно — что они на других данных изучают. И мне подумалось, что это может быть и для нас более адекватным, интересным. Потому что в распознавании образов нет этого ограничения линейности. Всё-таки все дисперсионные, регрессионные, корреляционные анализы — они все базируются на предположении линейных связей, которых на самом деле нет. Хотя делаются попытки, допустим, или корень квадратный извлечь, или, наоборот, степень какую-то, но это всё имеет очень искусственный характер. А распознавание образов совершенно не связано ни с какой линейностью, там совершенно другой подход. Поэтому думалось, что оно может оказаться полезным, и мы целый ряд таких экспериментов провели, написали вместе с Загоруйко книжку «Распознавание образов в социальных исследованиях» [Распознавание образов..., 1968]. Это был 1968 г. После этого, конечно, эти методы продолжали применяться, и сейчас продолжают, но мне кажется, они встали на своё место. Как инструмент. И применяются тогда, когда надо. А когда видно, что это совершенно неподходящие данные для этого метода, то они не применяются. Этот этап увлечения прошёл.

Если говорить о существовании наших исследований по сельской социологии, то их логика была такая: мы прошли 4 или 5 этапов исследования.

Первый этап — изучение миграции сельского населения в города, её интенсивность, направление, вызывающие её факторы, её социальные последствия. Такое комплексное исследование. Обком хотел получить некоторую панацею — как от этой миграции избавиться. Например, уходят из села потому, что нет больниц — построим больницу, люди уходить перестанут. Но наш вывод был иной: он заключался в том, что город и деревня находятся на качественно разных этапах социального развития, это проявляется, прежде всего, в качестве и образа жизни. Это верх и низ и нет возможности остановить этот переток, кроме как выровнять каким-то образом условия. А для выравнивания условий необходимо передвинуть деревню или сельский сектор общества на качественно иной уровень, что может быть достигнуто, во-первых, в течение долгого периода, и, во-вторых, при последовательном проведении соответствующей политики. И чтобы такую политику предложить и обосновать, мы выдвинули концепцию системного изучения деревни, и поставили перед собой задачу:

изучить сельскую часть общества как некоторую целостную систему. Для этого, прежде всего, нужно было обосновать, что она таки является системой. Понятно, что все связи в обществе очень тесные.

А вот школа Льва Никифорова стояла на противоположной позиции. Мы хотели поднять деревню, а они хотели срастить деревню с городом в единую систему. Поэтому они доказывали, что это настолько тесно связанные вещи, что это просто часть системы. И здесь могло сказываться и то, что они изучали, в основном, нечернозёмную деревню, где, действительно, гораздо теснее связи. А мы изучали Сибирь, где очень большие расстояния, где была качественно иная картина в этом отношении. В общем, это была такая теоретическая работа обоснования.

А дальше была проблема — как представить эту систему. Концепцию системного изучения деревни разрабатывала в основном я. И мы постарались сделать, чтобы это не было теорией. Для теории она в таком виде просто никому не нужна. Мы постарались сделать, чтобы это была методология, на основе которой можно это изучать. И с этим были выделены крупные подсистемы, — шесть подсистем. И если в целом эту конструкцию представить себе, то я её иногда сравнивала с бочкой, в которой есть деревянные планки, а есть обручи, которые связывают. И вот эти подсистемы выступали в качестве «рёбер», это было, например, общественное сельское хозяйство, личное подсобное хозяйство — это производственные подсистемы. Затем непродуцированные подсистемы. И были общие ресурсы или даже образ жизни в том числе выступал — например, баланс времени. Распределение: вот рабочее время. Можно работать в общественном секторе, можно — в личном, можно в домашнем. Бюджет рабочего времени. Бюджет всего суточного времени. Образ жизни как качественная связь между подсистемами. Если у тебя ретроградный способ труда, то вряд ли у тебя развит досуг. И так, мы тогда строили дальнейшие исследования: просто эти подсистемы были распределены, один изучает одно, другой — другое. А были люди, которые изучали уже эти связи. И по итогам этой работы было написано несколько книг. Последняя была издана в 1980 г, называлась «Методология и методика системного изучения деревни» [Методология и методика..., 1980].³

Для чего ещё нам это было нужно? Для прогнозирования развития деревни как некоторого целого. Потому что сама идея взялась из того, что, пытаясь наметить пути будущего деревни, мы сталкивались с тем, что специалисты отдельных профилей совершенно независимы друг от друга. Один проектирует, что у него будет индустриальное производство, а демограф рядом с ним говорит, что вся молодежь

³ Методология и методика системного изучения деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.

из деревни уйдет. И все эти связи совершенно не учитывались. И мы хотели сделать некий «манекен», на котором можно примерять одежду. Где всё взаимосвязано. И мы только успели этим как следует заняться. В 1970 вышла наша «Миграция», в 1971 мы начали работу по подсистемам деревни, и в 1971 году мне предлагают включиться в международный проект, который называется «Будущее деревни в индустриально развитых обществах». Анри Мендра, отец Мари Мендра, был одним из руководителей. Богуслав Галецкий был другим руководителем. Проект Венского центра. Мы включились в этот проект, четыре года в нём работали.

Но самое интересное было в 1973 году, когда Руткевич на меня перекинул руководство комиссией, созданной Президиумом АН — Комиссией по проблемам и перспективам социально-экономического развития советской деревни до 1990 и 2000 годов. Причём АН приняла решение об организации этой комиссии, потому что это было по настоянию Совета министров. А Совмин заинтересовался вдруг деревней, потому что на него со страшной силой нажал Госстрой. А у Госстроя была генеральная схема расселения на территории СССР. И, когда они дошли до села, они остановились в полном недоумении, потому что никаких расчётов или прикидок не было: то ли деревню сселять в города, то ли что? И выяснилось, что никто не знает, ни АН, ни ВАСХНИЛ. И тогда они нажали на Совмин, тот — на АН. Академия организовала эту комиссию, во главе поставили Руткевича как директора Института социологии, а меня — как заместителя. Он один раз нас всех собрал, сказал, что «Татьяна Ивановна в деревне понимает, пусть занимается», и больше у нас не появлялся.

Всё совпадало: и наше внутреннее стремление, и тот международный проект, и этот проект. Вообще, комиссия была сформирована без нашего участия, и это было хорошо, людей обязал Президиум Академии, не я. Но мы потом достаточно широко и свободно включали в неё новых людей. И комиссия работала минимум два года, даже больше. В 1975 году в сентябре на Президиуме АН я уже отчитывалась об этой работе. Но ещё и после этого мы продолжали работу. Поэтому системное изучение — оно не просто с потолка упало. Идеи системного изучения реализовались в работе комиссии, естественно. По итогам работы этой комиссии был написан доклад под тем же названием «Проблемы и перспективы социально-экономического развития советской деревни до 1990 и 2000 годов», который был издан для служебного пользования в количестве 100–150 экземпляров, и одна из задач моей жизни сейчас заключается в том, чтобы найти где-нибудь хоть один экземпляр этого доклада. Доклад был интересный чрезвычайно! Все участники, все члены комиссии получили экземпляр, у меня тоже был — ни одного не могу найти! Кажется, что можно прийти в отчаяние, что ни одного экземпляра такой работы невозможно найти. Но я вдруг, глядя в свои собственные списки публикаций, нахожу:

«Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономические последствия», том 23. А доклад был опубликован в серой обложке, мы все называли его «серый доклад». А ведь он же вошёл в Комплексную программу. И он стал официальным документом. И я надеюсь, что Комплексную программу можно где-то найти, это же такой труд. Интересно сейчас было бы посмотреть на «плод коллективного разума», что же мы на 2000-й год спрогнозировали, и как с прогнозом расходится жизнь. Естественно, у нас там были рыночные идеи. Обязательно было совершенствование хозяйственного механизма. Другое дело, что мы совершенствование хозяйственного механизма видели в развитии рыночных отношений при сохранении форм собственности: колхозно-кооперативная собственность, полный хозрасчёт, худенковские эксперименты — вот такие там идеи.

И на этой основе мы сделали три прогнозных варианта — чтобы какие-то результаты на Президиум представить. Один мы называли «Инерционный вариант». Другой был интенсификационный, худенковский. А третий — реалистический, потому что мы считали, что в сторону интенсификации надо обязательно идти, но не пойдут теми темпами, а будет что-то среднее. И когда академик Котельников готовил заседание Президиума, мы с ним до этого встречались, когда он увидел эти три варианта, он предложил убрать инерционный. А как его убрать, когда всё развитие по нему идёт. «Но это же нельзя считать вариантом развития!» Я говорю: ну, почему же нельзя. Это один из вариантов. «Нет, нет, это невозможно считать вариантом. Пусть будет два варианта, а третий как бы...» Естественно, в жизни реализовался инерционный. В общем, очень бурное было обсуждение на Президиуме. Там Капица тогда выступал. Он то ли родился, то ли вырос в деревне. И он свои воспоминания детства представил. Тем не менее, мы снискали всяческое одобрение. Вот такой у нас был этап.

Надо сказать, что все эти направления, о которых я говорю, в дальнейшем все сохранялись. Как была миграция, так она и дальше продолжалась, только она уже не доминировала в наших исследованиях. Когда общая системная работа окончилась, то она задала основу для изучения всех подсистем, например, исследование личного подсобного хозяйства. А в общественном хозяйстве Василий Дмитриевич Смирнов свои эксперименты ставил социально-экономические с совершенствованием хозяйственного механизма. Велись исследования бюджета времени, баланса времени, социальной сферы. Все эти дела. И достаточно ясно в это время прорисовалась проблема огромной территориальной дифференциации деревни. Того, что (есть) отстающие колхозы и хорошие, пригородные, а также и маргинальные зоны мелких поселений в системе расселения.

Возникла идея сселения мелких поселков как одно из решений проблемы. Тогда мы выделили новое направление — исследование социально-территориальной структуры села сельского сектора, имея

в виду все эти аспекты. И в рамках этого исследования главным образом совершался типологический анализ, была построена целая серия типологий, начиная с типологии крупных регионов страны, областей и краёв автономных республик. Затем была типология районов. Эту типологию делала сначала Майя Мучник, она уехала в Америку, потом сделала Света Крапчан, защитила диссертацию. А типология всех районов Западной Сибири — это Федосеев сделал диссертацию, затем Паша Колосовский делал типологию колхозов и совхозов, уже по характеристикам, свойственным им. А поселениями занималась я сама и Лиза Галиченко. Таким образом, у нас была такая иерархическая структура. И мне кажется, что главные результаты, если говорить о них, они, скорее, (имеют) качественный характер, определяя, что от чего зависит.

Если говорить о мелких посёлках — что мы сделали: с Лизой больше всего мы разработали дифференцированные рекомендации по развитию систем сельского расселения в Сибири. Была типология этих поселений, и для каждого из этих типов были сделаны рекомендации: в чём их главная проблема, во что упирается их жизнь и что с ними надо делать.

По мелким посёлкам история была такая: первое, с чем мы столкнулись — это фантастическая миграция. Оттуда народ уходил. Эти большие исследования деревни повторяли раз в пять лет, за это время численность их населения сократилась на 35%.

Поживи-ка в посёлке, где нет автобусной остановки. Первое, что там жители требовали — автобусную остановку. В ближайший посёлок за 5 км надо ходить пешком. Поэтому исходное представление было — что надо эти посёлки сселять, тем более, что это было торжественно объявлено ещё Хрущевым. И в этом было определенное рациональное зерно. Относительное. И я об этом говорила примерно в 1973 году.

А когда начала работать наша комиссия, там сселение представляли профессор Ковалёв из МГУ, большой авторитет, и его коллега Владимир Беленький. Они были такими настоящими «расселенцами», их основная специальность была «география». И они были против сселений малых сельских посёлков. Они очень быстро и меня убедили. Они были и просто «против», и против форсированного сселения. Соглашаясь, что всё равно остановить исход из мелких селений невозможно, они просто говорили, что там, где исчезает малое сельское, начинает сразу разлагаться чуть большее. Если принимается решение: до 50 человек малое (поселение), давайте, мы их сселим с теми, кто от 50 до 200. И сразу начинается ускоренное разложение тех, кто от 50 до 200. То есть всякое ставшее крайним начинает ускоренно разлагаться, независимо от его более или менее мелкого-крупного размера. Поэтому пусть они существуют мелкие. Всё равно народ из сельской местности уходит, но мелкие сельские поселения, по

аналогии с природой, это как болота, которые не надо осушать, потому что из болот подпитывается вся остальная гидросистема.

Таким образом, те в которых 50 жителей, сохраняют те селения, в которых 200?

Да. Не трогайте мелких. Всё равно процесс сельского исхода идёт, но без централизованного сселения идёт медленнее. И я этому в полной мере внял. Когда вышел «серый доклад», было 478 тыс. сельских поселений в СССР. И мы говорили, что на 2000 год у нас была цифра порядка 240 тыс. А Госплан настаивал на 120 тысяч, столько надо оставить. А у нас был экстраполяционный (результат), что они всё равно будут постепенно разлагаться, и их останется порядка 240 тыс. И на заседании Госплана мы отстаивали вместе — Беленький, Ковалёв и я — а я уже была академиком, впервые выступала там с доказательствами, что не нужно форсировать процессы сселения мелких деревень. Поэтому, конечно, эти дурацкие обвинения Салуцкого имеют мало отношения к жизни⁴.

Вот это мы занимались расселением, и подготовили дифференцированные рекомендации, которые, как и все рекомендации, писались «в воздух», потому что не было субъекта, который интересовался такими рекомендациями для воплощения их в жизнь.

Естественно, нас интересовала социальная сторона жизни деревни в первую очередь. Мы отслеживали динамику. Книга «Развитие сельских поселений» тоже по этому направлению написана [Развитие..., 1977]. Это тогда была очень новаторская книга. Была статистика очень хорошая у нас, потому что мы каждые 5 лет получали характеристики населённых пунктов, очень развёрнутые. Такую толстую книжечку создали про каждый населённый пункт. И работали с этой статистической динамикой. И в это время, примерно начиная с этой комиссии, у меня началась совместная работа с Ильёй Борисовичем Мучником, который занимался как раз распознаванием образов. Только совсем у него другая методика, чем у Загоруйко. Мучник работал в Институте проблем управления в Москве, рядом с Борисом Березовским, кстати, он меня тогда с ним и познакомил. И мы начали с ним совместную работу именно на типологии поселений. И меня совершенно подкупил метод, который ими был разработан. Он назывался «Лингвистический метод классификации многомерных объектов». Мне всегда казалось, что это страшный выпендрёж, (не имеющий) никакого отношения к лингвистике. Но потом я поняла, в чём была его прелесть. Действительно, одна из величайших

⁴ Более подробно о журналистских выпадах А.С. Салуцкого против Т.И. Заславской см. статью Никулина [Никулин, 2014, с. 116–139].

трудностей, с которыми сталкиваются люди, занимающиеся типологическим анализом, особенно — методами Загоруйко, заключается в том, что, когда ты получаешь тип, то тебе о нём сообщаются какие-то средние характеристики. А имени для него нет. И непонятно, что это за тип. Вот эти сёла, как разобраться с типологическими названиями: малообразованные, больше мужчин, чем женщин, у них там то-то и большое личное хозяйство. Кто они такие? А вот другие... И придумать им типологическое имя... Какие только имена им не пытались дать: «чокнутые», чуть ли не «шизофреники», потому что у них типологически получалось раздвоенное сознание. Необыкновенно трудно было ухватить их качество. А лингвистический метод построен таким образом, что базируется на факторном анализе, выделяются факторы, совершенно независимые. Например, один раз мы делали типологию поселений, и у нас выскочил фактор — численность населения и обеспеченность физкультурными сооружениями, два взаимосвязанных показателя. И там высокий критерий: населённый пункт либо очень большой, либо маленький, но у него есть физкультурное сооружение. Ну, глупость, с таким фактором работать нельзя! Естественно, мы выкидываем эту физкультуру, потому что она явно не о том. А когда ты получаешь что-то — высокие доходы, материальную обеспеченность высокую, зарплаты, ты понимаешь — фактор материальной обеспеченности. Он у тебя получил имя. Потом по нему уже выделяются типы. И даже (если) он многомерный, то ты просто знаешь, что это высокодоходный и так далее. Всё осмысленно.

И мы сначала сделали типологию поселений за 1967 год, потом — за 1972. Их надо сравнивать, а как? Они сделаны на независимых массивах, их сравнить, вообще говоря, нельзя. И тогда мы уже стали разрабатывать совместно с Игорем Борисовичем методику динамических сравнений. Разные методы, как можно к этому подходить. И написали книгу, которая в содержательном плане, как мне кажется, достаточно интересная, но мне не приходилось сталкиваться с тем, чтобы люди зачитывались этой книгой. И когда с Игорем Борисовичем подводили итоги, а мы с ним не одну книгу написали, я ему пожаловалась: «Мы сделали сложную работу, очень высокого уровня передовой науки, а кто нашу книгу читал?» Он мне: «Вы серьёзно говорите? Вы не знаете, что по этой книге учатся?» — «А кто учится?» — «Все распознаватели учатся! Это классика». Может быть, а так-то не всегда знаешь, как это всё соотносится в науке и жизни. В общем, так: мы сравнили 1967-й и 1972-й годы, — динамика очень сильная, интересная, закономерности всякие... Проходит 1977 год — анализируем, сравниваем и его. И с изумлением видим, что никакой динамики нет вообще, полный застой, ничего не меняется! Прекратилось социальное развитие деревни, нет его. Ну, есть какая-то подвижка вверх-вниз, а развитие прекратилось. И дальше — то же самое. Застой стал ощущаться тут сильнее всего и на всё один ответ: «нет денег». Нет денег на больницы, на школы, на это и на то.

И до поры до времени мы позволяли себе думать, что мы занимаемся социальными проблемами села, а экономисты занимаются экономическими проблемами. Конечно, деньги должны производиться в экономике. Поэтому — вот мы будем исследовать как социально развивать те или другие поселения, а экономисты тем временем будут совершенствовать хозяйственный механизм, и деревня начнет богатеть, начнутся всякие рыночные преобразования и так далее. Но здесь уже — начало 1980 годов, видим, что ничего не получается с этим социальным и экономическим развитием. А мы раз в пять лет должны были писать и писали так называемый «Сибирский доклад», весь Институт его писал. И на нашу долю приходилось анализировать социальное развитие городов и сибирского села. И в частности — планировать, прогнозировать. Но мы видим — что планировать? Ничего не происходит, разлагается то, что было. И пришли мы к выводу, что нам нужно заняться непосредственно социальными проблемами развития сельской экономики. Что, раз здесь лежит ключ к решению социальных проблем, то невозможно просто сидеть в стороне и ожидать, что кто-то из экономистов это сделает. Надо залезть в это сердце социальных проблем хозяйственного механизма АПК. И вот это был следующий этап, о нём и поговорим.

Значит проблематика этого этапа определилась осознанием застоя в развитии советского села?

Да, 1972–1977 годы. На этом отрезке вдруг неожиданно оказалось, что, по существу, развитие прекратилось или стало во много раз меньше. Но это хорошо подтверждается и тем, что именно с 1975 года началось абсолютное сокращение производства. И это тогда совершенно не было осознано обществом, тот факт, что население растёт, а производство снижается, с 1975 года! Но оно выражалось только в натуральных величинах, но зато по натуральным показателям в Алтайском крае, например, практически не было исключений, то есть по всем показателям производства: меньше зерна, меньше мяса, меньше тракторов, моторов, тканей. То есть до этого если уже всё время снижались темпы роста, то вот в 1975–1976 годы черта была перейдена, и стали выпускать продукции меньше, чем раньше. Но поскольку цены повышались, и повышались, видимо, достаточно заметно — на четыре-пять процентов в год — постольку ещё достаточно долго статистика даже, по-моему, в пятилетку 1980–1985 годов всё-таки фиксировала рост порядка двух процентов. В то время как на самом деле предыдущая пятилетка уже была связана с уменьшением продукции. А если уменьшается пирог, то естественно, что на всём этом сказывается. И, конечно, люди ощущали, что жить становится труднее, ощущалась инфляция достаточно основательно. Конечно, какая это был инфляция — делались расчёты инфляции, наш институт делал,

экономические отделы. Они говорили: в строительстве — семь процентов, в потребительском секторе — примерно пять, в обрабатывающей промышленности — примерно два-три процента. Если за год — зарплаты же все были стабильные, — за год снижение уровня жизни на пять процентов — вообще довольно ощутимая вещь, а в строительстве и того больше всё это шло. Поэтому замораживались стройки, и вот эта вся нехватка денег... А за счёт кого первого экономить? Естественно, за счёт села. Колхозы пусть сами строят, добывают и так далее. Вот с какой проблемой мы столкнулись... Причём было такое расхождение в идеологии, которая совершенно инерционно развивалась: торжественно объявленная продовольственная программа 1982 года, в связи с ней обсуждаем: таким путём или другим пойдём, такие трактора у нас будут или другие — а жизнь-то уже пошла в это время по своему пути.

Как вы работали в это время начала 1980 годов, над чем?

Таким образом мы пришли к выводу, что без фундаментального реформирования экономики никакие социальные проблемы села и города решаться не могут. А между тем, другой вывод заключался в том, что само развитие экономики уперлось, по существу, в социальные аспекты жизни, прежде всего в социальные отношения отчуждённости населения от средств производства, от труда собственного. Потому, конечно, в деревне больше, чем где-либо, ощущалось страшное пьянство, которое тоже является одной из форм отчуждения: люди уходят от этой действительности и переходят в ту, которая кажется, является им наиболее приятной.

И в это же самое время уже в Польше были большие сдвиги под влиянием этих рабочих восстаний. Затем в Венгрии я была в 1981–1982 годах: там было такое экономическое и идеологическое оживление в Будапеште — «Пражская весна» своего рода, настроение у них было абсолютно другое, потому что они проводили рыночные реформы — это, конечно, были, рыночные реформы не такие, как сейчас, не либеральные, а реформы идеологии рыночного социализма, с сохранением многого из старого проверенного опыта. Просто открывались постепенно некоторые направления так сказать для свободной предпринимательской деятельности. Я с предпринимателями встречалась в Польше, и когда задавала им вопрос, согласились бы они — бывшие инженеры и так далее — вернуться, при каких условиях, в государственный сектор. Они отвечали, что никогда, ни за что в жизни. Чувствовалось, что есть позитивная энергия предпринимательства, которая могла бы выступить в качестве движущей силы. И мы решили тогда, что мы должны всё-таки сосредоточиться и на мотивациях к труду. Конечно, все остальные направления тоже сохранялись, но выделились по крайней мере направления именно экономической

социологии, то есть социологии именно экономических отношений в целом. Это не только то, что называется социология труда, потому что труд — это один из элементов проблемы. Но, может, где-то близко к социологии труда.

Кроме того, у нас было очень хорошее отношение к экспериментам Худенко в свое время⁵. Но Худенко погиб — его арестовали в 1972 году, он умер, по-моему, в 1974. Так как он свои опыты ставил в Казахстане, а Казахстан близок к Сибири, кроме того, Худенко в нашем институте нашёл большую, значительную духовную поддержку, поэтому он несколько раз бывал у нас в институте, делал доклады на учёных советах, водил с нами дружбу, с социологами. Обращались худенковцы к нам, когда над ними нависла эта опасность, и мы писали письмо Кунаеву с просьбой его освободить, заступались за него. Но не помогло.

Во второй половине 1970-х годов главный помощник Худенко, Филатов, второй человек в этих экспериментах, вышел из тюрьмы на свободу. Вышел всё с той же идеей: продолжать худенковские эксперименты. Вокруг него было примерно 30 человек. У них вообще-то при Худенко около 70 человек участвовало, но к тому времени кто куда: женился, уехал, ещё что-то. А человек 30 готовы были начинать новый эксперимент, и он приехал к нам за помощью методической. Филатов по своей основной профессии был архитектором. И вот эта идея какого-то социального эксперимента, социально-экономического, прежде всего в сельском хозяйстве, она тогда носилась в воздухе. Она и для нас органически возникла из проведённых исследований, и вместе с тем окружающие факторы тоже подталкивали, и Филатов тут где-то рядом. Ещё один был экспериментатор — Журкин, такого же рода. Он обосновался в Алтайском крае, там проводил эксперименты. Но, например, то, что представил Филатов, его методическая программа, нас абсолютно не устраивало, потому что Филатов вообще не был экономистом. А вот Худенко был экономистом, он всё прошёл снизу доверху, начинал с помощника счетовода, а непосредственно входя в экспериментальную деятельность, был начальником производственно-финансового управления Министерства совхозов Казахстана, поэтому он знал абсолютно всё, и у него были очень грамотные эксперименты. А Филатов такое написал — у него там ещё второй помощник был, кажется, Волков, они там такое понаписали, что хоть стой, хоть падай. Получается, что они должны получать больше, чем они будут производить. Ведь любой эксперимент такого рода должен показать, что всем будет лучше: мы произведём на 50% или втрое больше, а сами получим в полтора раза больше — и нам хорошо, и государству. А у них

⁵ Иван Никифорович Худенко (1917–1974) — директор казахского совхоза «Акчи», в котором проводились эксперименты по внедрению полного хозрасчёта.

получалось всё наоборот. И сколько мы им не говорили, они это отказывались переделывать. Они хотели, чтобы мы методическое руководство взяли, но мы не могли, потому что это выглядело как расхищение, ведь им же давали государственные средства.

И тогда мы решили, что нам самим надо ставить свой эксперимент, а у нас в отделе как раз работал Василий Дмитриевич Смирнов, уже имевший опыт колхозного экспериментирования на предыдущих этапах своей биографии. А потом спокойно он работал у нас старшим научным. И он взялся за эти эксперименты, начал их проводить где-то в самом начале 1980-х годов и в 1990-е проводил. Но был у него взлёт в этой деятельности — примерно 1985–1986 годы, когда опыт его колхоза заслушивали на Верховном совете СССР, Горбачев там реагировал, в правительство вызывали нашего Василия Дмитриевича, и в Министерство совхозов... В общем, было какое-то исключительное внимание к этому эксперименту. Но на самом деле, этот эксперимент достаточно обычный. Не буду о нём рассказывать в подробностях, главная его идея заключалась в том, чтобы люди отвечали за конечные результаты своей работы. Весь вопрос в том, как это учитывать, как распределять, чтобы это было справедливо и так далее. И действительно, они добились немалых результатов — на 40% продукцию увеличили, плохого не было.

Но почему это всё получилось у них? Во-первых, великолепную там удалось сформировать бригаду специалистов. Во-вторых, председатель колхоза такую карьеру делал, что всех всячески поддерживал. Далее — там были великолепные экономисты. Потому что в экономических расчётах эту социальную справедливость очень сложно воплотить. Экономист — женщина вдохновенная, которая действительно сделала это целью своей жизни, поэтому у них это как-то было всё хорошо. Ну и специалисты основные: главный агроном, главный зоотехник, главный инженер — они все разделяли эту идею. Это редчайший случай — такая команда, повторить это в каком-нибудь другом хозяйстве было бы очень трудно. Итак, вот команда единомышленников — это раз. И конечно, имел место эффект просто экспериментирования, когда всем становится интересно, все чего-то ждут и начинают работать лучше благодаря этому — вот этот фактор.

Василий Дмитриевич не вылезал оттуда — он гораздо больше был в колхозе, нежели он был в Новосибирске. Мы ему говорили: честно скажите — если вас завтра забрали бы из колхоза, что произойдет с колхозом? — «Всё развалится». Мы его регулярно слушали, конечно, нам было интересно. И спрашивали его об отношении рядовых работников к этому эксперименту — а как остальные?

И он нам рассказывал. Он сам из крестьян, поэтому он в колхозе был своим человеком. И просто этим языком крестьянским докладывал. И видно становилось... что это чужое всё равно для простых людей. Говорили они: «Ну ладно, балуется интеллигенция — не меньше

платит, а больше, и слава Богу». А так, чтобы этот механизм зацепил и поволок за собой человека — ничего подобного, ничего этого не было.

Всё-таки я делала вывод, скорее для себя, конечно, что этот эксперимент не распространяемый. И это скоро подтвердилось, когда району стало завидно, секретарю райкома, что председателя колхоза уже вызвали на слушания в Верховный совет, а его не вызвали никуда, и он решил распространить этот эксперимент на весь район. Сделали такую попытку. И уже в масштабе района сразу стало очевидно, что очень трудно всё это распространяется. Не было там таких уже людей, которые бы этого безумно хотели, потом на уровне одного района уже очень разные условия. Тут всё абсолютно сказывается: вот нет у тебя в хозяйстве рядом завода — одна ситуация, а рядом завод, на котором половина молодёжи работает — уже другая. В общем результат был, что этот колхоз — «Путь к коммунизму» он назывался, у него и главный эффект. Ну, ещё два-три колхоза, что-то попробовали сделать... Кто-то одну ферму на эксперимент перевёл, кто-то — одну бригаду, кто-то никого и ничего не перевёл. Было достаточно очевидно, что в целом это дело не идёт.

Из этого я лично делала выводы, которые были в своё время в моём Новосибирском докладе отражены, что надо всю систему перестраивать, что эта существующая система наши эксперименты отторгает. Но что я не понимала тогда в должной степени, и не знаю, в какой степени сейчас понимаю — что, может быть даже не система, а сама культура отторгает. И система, и культура. Потому что систему сломали сейчас: уже нет ни коммунистической партии, которая всем руководит, ни государственной собственности — уже всё поломали, а оно всё равно всё не так. Поэтому, если система долго существовала — старинная российская система, не говоря о 70 годах советских, то она, конечно, вошла в культуру достаточно глубоко. Это как умирающие клетки: их уже унесло, а эффект остается. Так и тут: советской власти нет, а её фантом продолжает существовать в культуре.

Но на тот момент у меня было более оптимистическое мировоззрение, и я считала, что раз так, раз эта система категорически отвергает все эти эксперименты, значит нужно менять эту систему. Вот такой вывод был сделан в 1982–1983 году. И мы решили тогда изучить социальный механизм развития экономики. На примере аграрного сектора. Разобраться надо было в том, что, если уж надо всю систему реформировать, и реформировать её по социальным причинам и в социальном плане, то прежде всего надо понять, как она на самом деле устроена именно в таком системном плане. Не вот как среднее звено её работает — об этом диссертации писали, а в целом как она работает — нет.

Но мы не успели развернуть эту работу, потому что она на самом деле большая, сложная, у неё должен быть большой теоретический задел. Конечно, эмпирические исследования продолжали идти, но они шли по заведённому пути, не с позиции постижения всего этого

механизма. А над механизмом шла теоретическая в основном работа. И в это время уже началась перестройка, в это время я уже уехала в Москву. Так эта идея, по существу, осталась нереализованной. Некому было реализовывать, потому что у нас отдел очень согласованно работал, было де-факто такое явление как высокий статус, высокая авторитетность руководителя. Если бы я там оставалась, я бы могла организовать, чтобы там много людей работало в этом плане, и они бы работали. А когда я уехала, люди сразу — кто как, всё распалось. Хотя продолжают, изучают.

Антон Карпов мне говорил как-то, что ему надоела эта идея механизма — из Новосибирска, он уже про неё наслушался. Потому что каждый старается её применить к своим, более мелким вопросам. Но это так не складывается — эти вещи, которые делаются раздельно, не на основе единой концепции, их потом нельзя сложить.

А к этому времени — какова ваша общая оценка, какой был потенциал нашей сельской социологии? Кто-то ещё вёл какие-то сельские социологические исследования?

Начинал их ещё Арутюнян, но, поскольку работал он в Институте этнографии, хотя у него была большая свобода, его никто не притеснял, так что нельзя сказать, что его заставили, всё равно окружающая среда воздейств овала. Я работала в Институте экономики, и мы постепенно поворачивались в сторону экономической социологии, а Арутюнян работал в Институте этнографии, постепенно поворачивался в сторону этнических исследований. Во-первых, они стали изучать не только село, но и город, в сравнении, что неплохо. Но в основном они брали национальные республики. Вот они проводят большое, можно сказать, общероссийское исследование: Татарстан, Башкирия, Калмыкия. И ещё какой-нибудь один регион российский берут для сравнения. Но это уже акцент, тем самым, переносился на этнические проблемы, межнациональные отношения. Мне кажется, есть основания говорить, что Арутюнян всё-таки ушёл из сельской социологии, де-факто перешел в социологию этнических отношений.

А главный сельский социолог тогда был всё-таки Староверов, потому что он руководил сектором социологии села в Центральном социологическом институте в Москве. Староверов — человек очень противоречивый в том отношении, что, безусловно, он талантливый, но абсолютно беспринципный. Конечно, у него были очень идеологические работы, которые он писал, — и в общем, всё, что прикажете. И у нас поэтому были отношения с ним порваны, и до сих пор. Всякое было. Много было у него лицемерия. Например, он писал про индустриализацию сельского хозяйства как про позитивный процесс, она же страшно противоречива: все эти громадные свинокомплексы на 108 тыс. голов. В жизни как-то всё, что придумывалось партией,

всё оборачивалось какой-то нелепостью... Мы сомневались, пытались с этим разбираться, а такие как Староверов, наоборот, — вдохновенные были, так сказать. Они прежде всего пропагандировали великие успехи. Но нельзя так односторонне говорить, всё по-всякому было.

А так, сельские социологи были на периферии представлены: в Краснодаре был Хагуров, в Минске была своя социология села. Но эти направления были тоже очень официальные, насколько я знаю. Мы были в Минске в 1970 году, там была конференция по социальной структуре советского общества, и у неё была целая большая секция по социальной структуре села. А мне кажется, всё, что тогда писалось по социальной структуре, имело мало отношения к жизни. Мне запомнилось, что там был доклад о том, как всё больше становится людей, для которых материальная сторона труда — деньги — теряют значение. И всё больше значение приобретает мотивация, связанная с воодушевлением, вдохновением, интересом к самому труду в содержательном плане и так далее.

Я пыталась вопросы задавать скептические на той конференции. Во-первых, можно ли противопоставлять одно другому? Можно ли отрицать, что человек является существом материальным, что ему нужно пить, есть, что деньги дают свободу в выборе образа жизни, повышения качества жизни? Что это может быть за человек, который вообще не заинтересован в деньгах? Или он миллиардер, но у нас таких нет, чтобы больше ему было ничего не надо. Или он просто воздухом питается? Там был такой доклад представлен, который всё это демонстрировал. Из этого доклада было очевидно: исследователи не обращали внимания на то, что о незначимости денег говорят люди с высокими доходами. И это можно понять — деньги незначимы тогда, когда проблема с ними решена. Вот они исследовали человека, который получал свои, в те времена, 300–350 рублей, а остальное большинство людей получает 100 рублей. Он может заняться творчеством, этот главный агроном, и он уже делает эксперименты, новые культуры внедряет в науку и производство. Для него это главное. Ему можно поверить. Но по той причине, что ему уже достаточно. А если его посадить на зарплату в 50 рублей? Тогда он станет первым, кто заговорит о значении денег. Вот тогда очень много было — с одной стороны, тривиальности, а с другой — вынужденной идейности. Но поскольку было много преподавателей, которые этой идеологией занимались, а они должны были в своих лекциях всё повторять и твердить, то у них происходила уже своеобразная «имплантация». Они не осознавали, что «ладно, сегодня совру» — а это уже завтра перерастёт в убеждённость. От этого было очень тяжело.

Нам в Новосибирске очень помогало не только то, что мы были далеко от центра идеологии Москвы — это само собой. Но всё-таки мы были достаточно тесно связаны с Западом, активно ездили за границу, имея широкий круг общения. Нас было 70 человек, будем

считать, 60, — обычная, средняя цифра, а едзщих коллег было не меньше 15–20. Важно, что весь практический, творческий состав, весь он был выездной. Поэтому мы постоянно соприкасались с западной социологией, учились, старались перенести на свою почву — методы, по крайней мере. Особенно из социалистических стран у нас совместные проекты делали.

Естественно, у Староверова были ещё большие возможности в этом отношении. Но, с другой стороны, у них было так: Центральный институт и проекты, в которых они участвовали, они тоже были очень международно официальными. Они организовывались обязательно через Академию наук, через отделение, далее договаривались между собой академии разных стран. И там влияние официоза ощущалось значительно сильнее.

А наши связи носили в основном неформальный характер — «шерочка с машерочкой». И с Галецким в Польше, и с Таубером в Чехословакии. И это совершенно другой стиль общения. Особенно Таубер, да и Галецкий — они абсолютно были незаидеологизированными исследователями. Галецкий вообще диссидент по своим убеждениям. А Таубер, хоть и был членом коммунистической партии в 1930-е гг., но он, оставаясь идейным коммунистом, именно поэтому отрицал заформализованную идеологическую действительность. Всё это можно было свободно обсуждать с ними, и, мне кажется, это было важным фактором.

Литература

1. Копанка 25 лет спустя. / Под ред. Осипова Г.В. М.: Наука, 1965.
2. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / Под ред. чл.-кор. АН СССР Т.И. Заславской [и др.]; ЦСУ при Совете Министров РСФСР. АН СССР. Сиб. отделение. Ин-т экономики и организации пром. производства. Новосибирск: Наука, 1969.
3. Методология и методика системного изучения деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
4. Миграция сельского населения / Под ред. чл.-корр. АН СССР Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970.
5. Никулин, А.М. Научное наследие Т.И. Заславской и советские идеолого-политические конфликты // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 116–139.
6. Развитие сельских поселений (Лингвист. метод типол. анализа социальных объектов) / [Е.Е. Горяченко, Т.И. Заславская, Л.П. Ляшенко и др.]; Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1977.
7. Распознавание образов в социальных исследованиях / Отв. ред. Н.Г. Загоруйко, Т.И. Заславская; АН СССР, Сибирское отделение, Ин-т экономики и организации пром. производства, Ин-т математики. Новосибирск: Наука. 1968.

T. Zaslavskaya

On Soviet Rural Sociology

Tatiana Zaslavskaya (née Karpova; April 9, 1927 — August 23, 2013) was a Soviet and Russian sociologist and economist. She was at the origin of the creation of the MVSHSEN/Intercenter, the organization and holding of the Shaninka symposia: «Where is Russia going?» / «Ways of Russia», the editor-in-chief of the yearbook of this symposium, the successor of which is the magazine «Russia's Directions»

Abstract: This interview with Tatyana Ivanovna Zaslavskaya was conducted in January 2000 for the purpose of publishing it in the yearbook “Krestyanovoeenie” (“Peasant Studies”) published at the Moscow School of Social and Economic Sciences. But it was in that year that the publication of the yearbook was interrupted for several years, and the interview was lost in the archives of “Krestyanovoeenie” for another quarter of a century.

In this interview, T.I. Zaslavskaya talks about the intermittent stages of the formation and development of Soviet rural sociology, about her own rural sociological research in connection with the research activities of a number of Russian and foreign rural sociologists.

Particular attention in the interview is given to the discussion of the stages of research activities of the Novosibirsk sociological school. Zaslavskaya reflects on the problems of interaction between a scientist and the authorities, considers the paradoxes of the search for predictive alternatives to socialist rural development associated with experiments in reforming Soviet agriculture.

The interview was conducted by **Alexander Nikulin**, an employee of the Intercenter/MSES at the time of the interview, currently a candidate of economic sciences, director of the RANEP Center for Agrarian Studies, editor-in-chief of the journal “Russian Peasant Studies”.

Key words: rural sociology, village, city, migration, economic mechanism, economic sociology

References

1. Kopanka 25 let spustya (1965). M.: Nauka.
2. *Metodika vyborochnogo obsledovaniya migratsii sel'skogo naseleniya* (1969). Pod red. chl.-kor. AN SSSR T.I. Zaslavskoj [i dr.]; CSU pri Sovete Ministrov RSFSR. AN SSSR. Sib. otdelenie. In-t ekonomiki i organizatsii prom. proizvodstva. Novosibirsk: Nauka.
3. *Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya derevni* (1980). Otv. red. T.I. Zaslavskaya, R.V. Ryvkina. Novosibirsk: Nauka.
4. *Migratsiya sel'skogo naseleniya* (1970). Pod red. chl.-korr. AN SSSR T.I. Zaslavskoj. M.: Mysl'.
5. Nikulin, A.M. (2014). Nauchnoe nasledie T.I. Zaslavskoj i sovetskie ideologo-politicheskie konflikty. *Sociologicheskij zhurnal*. No. 3. P. 116–139.
6. *Razvitie sel'skih poselenij* (Lingvist. metod tipol. analiza social'nyh ob'ektov) (1977). [E. E. Goryachenko, T.I. Zaslavskaya, L.P. Lyashenko i dr.]; Pod red. T.I. Zaslavskoj i I.B. Muchnika. M.: Statistika.
7. *Raspoznavanie obrazov v social'nyh issledovaniyah* (1968). Otv. red. N.G. Zagorujko, T.I. Zaslavskaya; AN SSSR, Sibirskoe otdelenie, In-t ekonomiki i organizatsii prom. proizvodstva, In-t matematiki. Novosibirsk: Nauka.